

Книга, необходимая историкам Великой войны*

В условиях отступления русской армии, 14 мая 1915 г. под председательством военного министра В.А. Сухомлинова (с 13 июня его сменил А.А. Поливанов) было образовано Особое совещание по усилению артиллерийского снабжения действующей армии, преобразованное 23 мая в Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия, а 13 июня – в Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. В состав Особого совещания вошли представители военного, морского, финансового, контрольного, торгово-промышленного и путейского ведомств, финансово-промышленных кругов, а также Государственной думы (включая её председателя М.В. Родзянко), Государственного совета и Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Особое Совещание было подотчётно лично императору, а председательствовавший в нём военный министр наделялся всей полнотой власти в пределах компетенции данного учреждения (остальные члены не имели решающего голоса). Он мог обращаться за содействием в соответствующие правительственные инстанции, требовать выделения необходимых денежных средств, обеспечения своевременной доставки грузов и выполнения военных заказов, а в случае отказа или их срыва имел право реквизировать оборудование и даже налагать секвестр на имущество частных предприятий.

Создание Особого совещания привело к резкому росту влияния военного министра, против чего выступили как представители правительства, так и в особенности оппозиционно настроенные думцы. В результате летом 1915 г. был

разработан новый проект, предполагавший создание четырёх особых совещаний (по обороне, транспорту, топливу и продовольствию) под председательством военного министра, министров путей сообщения, торговли и промышленности, а также главноуправляющего земледелием и землеустройством (позднее было создано и Особое совещание по беженцам под председательством министра внутренних дел). Тем не менее Особое совещание по обороне сохранило своё первостепенное значение и осуществляло «высший надзор» за всей военной промышленностью (включая частную), опираясь на разветвлённую сеть своих местных органов. Председатель Особого совещания имел право законодательной инициативы, а также мог отменять решения руководителей иных ведомств (с последующим вынесением вопроса на рассмотрение Совета министров). Структура Совещания дополнилась целым рядом комитетов и комиссий, курировавших отдельные отрасли и распределение военных заказов. В то же время думцы добились того, что Совещание сохранило преимущественно общественный состав: в него были включены по десять представителей Думы и Государственного совета, по одному – от Всероссийского земского союза и Союза городов, четыре – от ЦВПК (26 членов из 37). При этом именно в Особом совещании по обороне большинство представителей общественности принадлежали к оппозиции.

Совещания были торжественно открыты в Высочайшем присутствии 18 августа 1915 г. Реорганизация Особого совещания свидетельствовала о готовности Николая II к сотрудничеству с думской оппозицией, добивавшейся создания «министерства доверия». Вместе с тем царь,

* Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / Под ред. А.П. Корелина, А.С. Грузинова. М.: РОССПЭН, 2013. Т. 1: 1915. 559 с. Т. 2: 1916. 743 с. Т. 3: 1917–1918. 846 с.

тогда же вступивший на пост Верховного главнокомандующего, намеревался сосредоточить в своих руках управление войсками и избегал дальнейших уступок либеральной оппозиции. В этих условиях Родзянко, считавший главной своей задачей укрепление «конституционного строя», решительно осуждал ведомственные «посягательства на права и высокое значение Особого совещания» (т. 2, с. 347), которое признавалось депутатами из Прогрессивного блока важным инструментом своего политического влияния. Возможность, участвуя в работе особых совещаний, оказывать воздействие на власть в общественных кругах считалась даже более важной, чем решение тех или иных деловых вопросов. Неудивительно, что все предложения выйти из состава Совещания в знак протеста против правительственного курса так и не были осуществлены (лишь прогрессисты покинули их в ноябре 1915 г.)¹.

В 1916 г. Особое совещание способствовало военным победам русской армии (наступление на Кавказском фронте, Брусиловский прорыв), мобилизации народного хозяйства страны, росту промышленного производства (в 1915 г. – 13.7%, в 1916 г. – 21.5%). Существенно возросли капиталовложения в отечественную промышленность, ускорился процесс её монополизации. Усиленное производство вооружений позволило преодолеть «снарядный голод», став в то же время тяжёлым испытанием для гражданских отраслей хозяйства и транспортной инфраструктуры. Несмотря на усилия Особого совещания, полностью исправить ситуацию так и не удалось.

После Февральской революции 1917 г. Особое совещание продолжало свою деятельность, заведая военно-техническим снабжением армии. При этом политизация его работы резко спала. Председательствующим в нём с мая 1917 г., по распоряжению военного министра А.И. Гучкова, являлся П.И. Пальчинский – крупный предприниматель, член правлений трёх акционерных обществ и член совета Азовско-Донского банка. К сентябрю 1917 г. Временное правительство подготовило проект нового «Положения», лишавший Совещание статуса «высшего государ-

ственного установления». Одновременно происходила «демократизация» состава Совещания, членами которого стали представители министерств земледелия и труда, председатели совещаний по топливу, транспорту, распределению металлов и сырья, уполномоченные от казённых заводов и депутаты от Советов (четыре от рабочих и два от крестьян). Особое совещание по обороне государства, в состав которого были включены представители Совета народных комиссаров, просуществовало до марта 1918 г., когда был заключён Брестский мир и Россия вышла из мировой войны. Затем его функции постепенно передавались Наркомвоенмору и ВСНХ. При этом новая власть проявила повышенный интерес к имевшимся в его распоряжении статистическим и регистрационно-учётным материалам.

Собранные в трёх томах журналы Особых совещаний по обеспечению действующей армии артиллерией, главнейшими видами довольствия, предметами боевого и материального снабжения, а также Особого совещания по обороне государства и его рабочих органов, руководивших мобилизацией российской экономики – весьма ценный исторический источник и один из важнейших официальных документов по социально-политической, экономической и военной истории России периода Первой мировой войны. В них отразились экономическая политика государства и её переориентация на военные нужды, положение промышленности, финансов, транспорта, продовольственного дела, военное сотрудничество России с державами Антанты и другими странами. Большое внимание Совещание уделяло таким новым отраслям промышленности как химическая, автомобильная, авиационная и др.

Наконец, эти журналы содержат богатые сведения о взаимоотношениях власти и общества в предреволюционные годы, поскольку Особое совещание стало уникальной «площадкой» для сотрудничества и противоборства правительства, законодательных палат, политических партий, общественных организаций и деловых кругов. На его заседаниях представители оппозиции отстаивали значение общественных организаций (Земгора, военно-

промышленных комитетов, кооперативов), выступали со своим видением причин забастовок на военных заводах или внешнеполитического курса страны. В начале 1917 г. Совещание активно обсуждало арест Рабочей группы ЦВПК и передачу пулемётов полицейским частям для противодействия революционным вспышкам. 4 февраля 1917 г. дискуссия вылилась в открытый конфликт между общественными деятелями и военным министром

М.А. Беляевым. Всё это свидетельствует об исключительной значимости журналов заседаний Особого совещания, которые стали теперь более доступны для исследователей.

В.Е. Воронин, Ф.А. Гайда

Примечание

¹ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 73–74, 105–107, 162, 173–176.

* * *

Первая мировая или Великая война, как часто называли её современники и зарубежные историки, неизменно привлекала к себе внимание исследователей, и празднование её 100-летнего юбилея лишь подтверждает это. В СССР, особенно после Второй мировой войны, надолго заслонившей собой Первую, «империалистическую», изучение её долгое время было возможно лишь в рамках марксистско-ленинской парадигмы и представлений о военно-монополистическом капитализме, что, впрочем, не помешало, а скорее – в некотором смысле даже способствовало, появлению целого ряда ценных исследований и публикаций источников. К их числу, безусловно, относится издание журналов Особого совещания по обороне государства, осуществлённое в 1975–1982 гг. усилиями В.А. Емца, Д.А. Колесниченко, Т.Д. Крупиной, Л.Я. Сает, К.Н. Тарновского и В.В. Шелохаева¹. К сожалению, как и особые журналы Совета министров 1906–1908 гг., они вышли мизерным тиражом в виде громоздких томов и предназначались исключительно «для служебного пользования». Понимая необходимость их переиздания, А.П. Корелин, А.С. Грузинов и М.К. Шацилло просмотрели фонды не только РГВИА, но и РГИА и Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, что позволило выявить все недостававшие журналы 1915–1916 гг. и большинство их экземпляров за 1917–1918 гг. Подготовленное ими издание, сохраняя всё лучшее, что имелось в прежнем, стало более компактным и удобным для работы исследователей, благодаря анно-

тированному именному указателю (пусть и не вполне унифицированному), а также введениям и комментариям к каждому из томов, при написании которых не только учитывались достижения современной историографии, но и использовались новые архивные материалы.

Составители трёхтомника справедливо связывают исключительную ценность журналов с их огромным информационным потенциалом. Действительно, вряд ли можно найти аналогичный источник, освещающий состояние Российской империи в период Первой мировой войны, который аккумулировал бы в себе сведения, разбросанные по сотням, если не тысячам, архивных дел, по особым журналам Совета министров, стенографическим отчётам Думы и Государственного совета, а иногда даже содержащий уникальные данные (не обязательно чисто военного характера), доходившие лишь до Особого совещания. Являясь высшим чрезвычайным учреждением империи, Особое совещание по обороне объединяло государственных и общественных деятелей, а также разного рода «сведущих людей» и представляло собой своеобразный симбиоз власти и общества. Ничего схожего не знали ни союзники России по Антанте, ни её противники. Давней традицией английского кабинета являлась абсолютная секретность его заседаний, вплоть до полного запрета даже министрам (!) на ведение какой-либо записи прений и отсутствия у кабинета канцелярии в формальном смысле слова. С другой стороны, в Австрии с началом войны рейхсрат был распущен, и исследователи могут судить о позиции

тех или иных лидеров обеих его палат лишь по источникам, не имеющим непосредственного отношения к деятельности парламента.

Конечно, некоторые наблюдения составителей трёхтомника могут вызвать дискуссию. Так, например, они высоко оценивают эффективность деятельности Особого совещания, не раз отмечавшуюся историками. Ещё генерал-лейтенант Н.Н. Головин писал, что создание Особого совещания «сыграло положительную роль», поскольку обеспечило «прорыв общественных сил через плотину устарелых учреждений, способных только с большим запозданием плестись в хвосте требований жизни», а также «“контроль”, освещающий “тёмные места” и подхлёстывающий к работе, предусматривающий события». Доказывая, что учреждение Особого совещания «являлось началом спасения России из того катастрофического положения, к которому привело армию министерство Сухомлинова», Головин утверждал: «Везде, начиная с осени 1915 г., наступает улучшение». Однако инициатором созыва «майского совещания», ставшего прообразом Особого совещания, являлся именно В.А. Сухомлинов, чья предшествующая деятельность во главе военного ведомства, наряду с мерами, принятыми по инициативе вел. кн. Сергея Михайловича, и предопределила наступившее «с осени 1915 г.» улучшение. Ведь ни назначенный незадолго до этого военным министром генерал А.А. Поливанов, ни, тем более, только что образованное Особое совещание просто технически не могли столь быстро обеспечить «улучшение». К тому же, как признавал Головин, «несомненно, что созданный для объединения работы тыла аппарат “Особых совещаний” являлся чрезвычайно громоздким»: «Эти многочисленные собрания не способны были к быстрой творческой работе»².

Более того, Н.Н. Головин не сомневался «в известной справедливости» критики Особого совещания со стороны начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского, являвшегося одним из самых активных его участников и при том – сторонника либеральной оппозиции. Между тем Маниковский пришёл к выводу, что в резуль-

тате деятельности Особого совещания обеспечение армии боевыми припасами «не только не двинулось тем темпом, на какой рассчитывалось при его образовании, а, напротив, во многих отношениях пошло хуже, чем если бы дело снабжения оставалось в руках самих довольствующих управлений». По словам генерала, Особое совещание оказалось «слишком многоголовым, чтобы быть рабочим и достаточно продуктивным». В его составе находилось «очень мало людей, действительно понимающих военную технику и причины неудовлетворительности снабжения нашей армии и могущих указать меры, необходимые для его усиления», и «много таких, которые видели в этом Совещании главным образом орудие политической борьбы и в соответствии с этим и вели линию поведения». Если же, тем не менее, в некоторых областях снабжения «результаты получались не очень плохие», то это происходило «не благодаря Особому совещанию, а несмотря на Особое совещание»³.

Характерно, что 27 июня 1916 г. председатель Совета министров Б.В. Штюрмер убеждал Николая II в том, что законопроект об учреждении поста министра государственной обороны (на чём настаивал начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев), «не представится возможным» провести через Государственную думу, поскольку она «придаёт особым совещаниям исключительное значение и никогда не согласится на их упразднение», неизбежное в случае создания данной должности. «Если же, – рассуждал Штюрмер, – правительство возьмёт на себя проведение этой меры ныне, во время перерыва занятий законодательных учреждений, в порядке статьи 87, т.е. указа, то не позже, чем через два месяца по открытии занятий Государственной думы (1 ноября сего года), этот указ, несомненно, будет ею отклонён, и особые совещания окажутся восстановленными». «В их трудах, между тем, – напоминал он, – принимают участие виднейшие представители общественных течений, в роде Гучкова, Коновалова и им подобных, и все они уже привыкли к мысли, что сам закон призвал их к ответственной государственной работе». Таким образом,

сохранить Особые совещания предлагалось именно в силу их политической, а не функциональной целесообразности⁴.

Кстати, учреждение поста верховного министра государственной обороны вовсе не означало бы установления «военной диктатуры» и появления «военного диктатора», как полагают публикаторы (т. 1, с. 20; т. 2, с. 10), так как, во-первых, по свидетельству автора алексеевского «доклада о диктатуре» генерал-майора А.З. Барсукова, занять его должно было лицо «гражданского ведомства», а во-вторых, одновременно намечалось проведение политической амнистии и образование «министерства общественного доверия», фактически означавшее переход к парламентаризму⁵. Если бы это и была «военная диктатура», то скорее всего она напоминала бы ту, которую «осуществляло» затем Временное правительство, и едва ли привела бы к эффективному объединению «руководства фронтом и тылом в одних руках».

Публикаторы соглашались с П.В. Волбуевым, писавшим, что «после Февральской революции пришедшая к власти буржуазия попыталась реорганизовать Особое совещание, несколько сократив его возможности в отношении выработки и проведения экономической политики и ограничив его компетенцию исключительно вопросами военно-технического снабжения армии»⁶. Более того, в июне и сентябре 1917 г. были подготовлены проекты нового «Положения», которые фактически лишали Особое совещание статуса «высшего государственного установления». По мнению А.П. Корелина, А.С. Грузинова и М.К. Шацилло, «в какой-то мере это было связано с созданием в июле этого года Главного экономического комитета и Государственного экономического совета, на которые предполагалось возложить задачи как экономического регулирования всего народного хозяйства страны, так и разработку общих вопросов экономической политики» (т. 1, с. 23). Несомненно, все перечисленные соображения влияли на судьбу Особого совещания, однако гораздо важнее было то, что Временное правительство уже не нуждалось в таране, ранее разбивавшем ворота, преграждавшие либеральной оп-

позиции путь к исполнительной власти. В результате, в новых условиях Особое совещание превращается из «высшего» в обычное, сугубо техническое, «государственное установление». И это невозможно было объяснить близостью окончания войны – победа революции в России, как известно, её только затянула, да и при переходе экономики к мирному времени Особое совещание, как «высшее установление», казалось бы, могло иметь большое значение. Показательно, что тогда же стали свёртывать свою деятельность и военно-промышленные комитеты, роль которых в обеспечении армии публикаторы чрезмерно преувеличивают. А Земский и Городской союзы, по свидетельству товарища главноуполномоченного Красного Креста на Юго-Западном фронте В.Ф. Романова, Временное правительство за месяц до своего падения и вовсе собиралось подчинить государству и лишить всякой самостоятельности, на что никогда, во всяком случае – во время войны, не покушались министры Николая II⁷.

Во введениях и комментариях к журналам встречаются иногда отдельные неточности. Так, статья «Россия хочет мира, но готова к войне», приписанная В.А. Сухомлинову (т. 1, с. 10), хотя и была подготовлена по его заказу, принадлежала всё же перу журналиста Б.М. Ржевского. Почётным председателем Англо-русского комитета являлся постоянно проживавший в Англии вел. кн. Михаил Михайлович, двоюродный дядя Николая II, а не родной брат императора вел. кн. Михаил Александрович, находившийся в годы войны в России (т. 1, с. 535). Кн. Г.Е. Львов в 1914–1917 гг. не являлся «членом законодательных палат» (т. 1, с. 18). По мнению публикаторов, никаких постановлений, «ограждающих жизнь и здоровье женщин и подростков», работавших на фабриках и заводах, «в России не издавалось» (т. 1, с. 548). Однако разработанные по инициативе министра финансов Н.Х. Бунге законы, гарантировавшие права малолетних рабочих и взрослых работниц, Александр III утвердил ещё 1 июня 1882 г. и 3 июня 1886 г. 24 апреля 1890 г. их кодифицировали в один акт, действие которого к 1897 г. распространялось на все губернии России и Царства Польско-

го⁸. Говорится также, будто Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты формально «так и не получили юридического признания» и «их уставы не были утверждены» (т. 1, с. 14), хотя комитеты, в отличие от союзов, действовали на основании «Положения», одобренного Советом министров 4 августа 1915 г. и 27 августа утверждённого Николаем II в порядке чрезвычайного-указного законодательства⁹. Непосредственным поводом для забастовки, начавшейся в Петрограде 2 сентября 1915 г., послужили не аресты «рабочих-большевиков» (т. 1, с. 546), а слухи о предстоящем 3 сентября перерыве занятий IV Государственной думы.

В комментариях упоминается о том, как последний царский военный министр генерал М.А. Беляев «допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в связи с обвинениями в злоупотреблениях» (т. 3, с. 777), однако следовало бы добавить и то, что они так и не подтвердились. Та же ЧСК опровергла и слухи о намерении А.Д. Протопопова подавить бунт в Петрограде при помощи пулемётов, хотя публикаторы полагают, будто он «перед революцией выдвинул идею расстрела народных масс с помощью полиции и войск». В подтверждение этого указывается на то, что для столицы, «по личному признанию АД, Протопопова, был разработан план, в основание которого было положено “распределение охраны, действовавшее в 1905 г.”» (т. 3, с. 781). Между тем, «распределение охраны» 1905 г. использование пулемётов не предусматривало. Характеризуя меры, принятые Протопоповым против Рабочей группы ЦВПК в январе 1917 г., публикаторы пишут: «Действия правительства не вызвали отклика со стороны революционно настроенных масс и являлись одним из показателей “кризиса верхов”» (т. 3, с. 782). Но почему борьба МВД с организацией, официально выдвигавшей лозунг «революция по имя победы», рассматривается как «кризис верхов»? Чем же тогда является отказ от подобной борьбы? Нельзя не отметить также, что к свободной торговле «не позволил» вернуться не «провал плана Риттиха» (т. 3, с. 785), успешное выполнение которого признавали во время последней думской сессии даже

оппозиционные депутаты (что поставило Прогрессивный блок на грань раскола), а курс Временного правительства на введение хлебной монополии.

Трудно согласиться и с тем, что рост заграничных военных поставок вёл «к опасному для независимости страны росту внешней задолженности» (т. 2, с. 12). Внешний долг всех основных союзников России по Антанте (Бельгия, Великобритания, Италия, Румыния, Сербия, Франция, Черногория) в некоторых случаях был, как в абсолютных, так и в относительных показателях, не меньшим, а большим, однако их независимость после победы в войне ни в коей мере не пострадала (если не считать соединения Сербии и Черногории, связанного с совершенно иными причинами). Странно и то, что «характеристику рабочих групп военно-промышленных комитетов» и сведения о борьбе с ними большевиков публикаторы предлагают искать не в новейших исследованиях¹⁰, а в тех или иных ленинских работах (т. 2, с. 733), хотя Ленин не занимался, да и не обязан был заниматься научным изучением данной темы. Полным анахронизмом выглядит утверждение, будто П.И. Пальчинский, ещё с 1905 г. являвшийся убеждённым республиканцем и активным участником революционных выступлений, «боролся против демократического движения» (в подтверждение этого приводятся опять-таки слова Ленина, называвшего Пальчинского «слугой промышленников, слугой капиталистов» (т. 3, с. 789)). И как объяснить, если «влияние большевиков в Донецком бассейне укреплялось с начала войны» и большевистская организация Екатеринослава «окрепла к концу 1916 г.», то, что, «однако, в большинстве Советов рабочих депутатов Донецкого бассейна преобладали меньшевики» (т. 3, с. 797)?

Последствия идеологического пресса коммунистического режима российская, да и западная, историческая наука испытывает до сих пор, и только дальнейшая публикация источников, облегчающая их переосмысление, способна исправить ситуацию. И выпущенный А.П. Корелиным, А.С. Грузиновым и М.К. Шацкило трёхтомник, несмотря на некоторые неточности, может служить образцом для всех

изданий подобного рода, и, в частности — для подготовки к печати журналов других особых совещаний (по перевозкам, продовольствию, топливу и беженцам).

С.В. Куликов

Примечания

¹ Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. М., 1975; то же. 1916 год. Вып. I–IV. М., 1977; то же. 1917 год. Вып. I–III. М., 1978; Вып. IV–V. М., 1979; то же. Указатели и материалы. 1915–1918 гг. Вып. I–II. М., 1982.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 231–234.

³ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914–1918 гг. Ч. III. М., 1922. С. 160; *он же*. Боевое снабжение русской

армии в мировую войну. Т. 2. М.; Л., 1930. С. 36–37, 41.

⁴ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 221–222.

⁵ Там же. С. 214–223.

⁶ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 119–125.

⁷ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 598, л. 386–388.

⁸ Подробнее см.: Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 210–227.

⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008. С. 362–363.

¹⁰ См., в частности: Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90.